

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-239-255

А. М. КОНДРАТОВ. ОБЭРИУ (КОРНИ)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© Ю. М. ВАЛИЕВОЙ)*

Свою творческую родословную Александр Михайлович Кондратов (1937–1993) выстроил сам. Своими «дедами» он назвал «Хлебникова и русский кубофутуризм», «старшими братьями» — «неофутуристов» начала 50-х годов». Место «отцов» в своей генеалогии — отвел «раннему Заболоцкому и обэриутам».¹

Соратники А. М. Кондратова по «Филологической школе» Лев Лосев (Лифшиц), Михаил Ерёмин и Владимир Герасимов (принадлежавшие, как и он, к младшей ее генерации) так обозначили свои приоритеты в поэзии: «...от Маяковского шли к Хлебникову и Кручёныху, а затем назад уже через Заболоцкого и обэриутов, то есть приобщаясь к *наивысшей иронии* и *философичности*, какая только существовала в русской культуре»;² «Нашими первоначальными литературными предпочтениями (через Красильникова) были футуристы (Маяковский, Каменский, Асеев), чуть позже обэриуты, потом совершенно неожиданно акмеизм — Мандельштам, Ахматова. Футуризм и акмеизм вполне уживались»;³ «Мы тогда живо обменивались между собой новыми сведениями, и, когда кто-то один узнавал что-нибудь новенькое, это тут же становилось достоянием кружка. <...> И некоторое время у нас ранний Заболоцкий был любимейшим настольным поэтом».⁴

Кульť Заболоцкого сложился у поэтов «Филологической школы» во многом благодаря М. М. Красильникову, входившему вместе с Юрием Михайловым и Эдуардом Кондратовым в идейное «ядро» этой группы; определение «старшие братья»⁵ / «неофутуристы» в приведенной выше творческой генеалогии А. Кондратова относится именно к ним.

По словам В. Герасимова, о Заболоцком они узнали из ругательной статьи критика-рапповца А. П. Селивановского «Система кошек (О поэзии Н. Заболоцкого)».⁶ Первое издание «Столбцов» (1929), раритетный номер журнала «Звезда» (1933, № 2/3) с поэмой «Торжество земледелия» и этот же номер, но уже цензурированный, без поэмы, были изучены ими по экземплярам из фондов Научной библиотеки ЛГУ. Началь-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01177, <https://rscf.ru/project/24-28-01177/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

¹ Кондратов А. «Мои троицы». Впервые опубли.: Антология новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны / The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry: В 5 т. / Сост. К. К. Кузьминский и Г. Л. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners. 1980. Т. 1. С. 235. Позднее текст неоднократно воспроизводился. Скорее всего, К. Кузьминский получил его от Л. Лосева (Лифшица). Об этом свидетельствует записка Л. Лосева на обороте машинописи стихотворения М. Красильникова «Я не знаком с гносеологией...»: «Дорогой Костя, <...> «МОИ ТРОИЦЫ» — могут идти как автобиография Кондратова. К сведению: его описание собств<енных> сочинений» (Amherst Center for Russian Culture. Box 54. Folder 3).

² Лифшиц Л. Тулупы мы // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М., 2006. С. 11. Курсив мой. — Ю. В.

³ Из беседы М. Ф. Ерёмина с Ю. Валиевой // Лица петербургской поэзии: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2011. С. 74, 76.

⁴ Герасимов В. Из беседы с Ю. Валиевой // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015. С. 491.

⁵ Эдуард Кондратов — старший брат А. Кондратова. Автор книги «Университетская набережная. Нечто мемуарное» (СПб.; М.; Самара, 2008).

⁶ Селивановский А. Система кошек (О поэзии Н. Заболоцкого) // Селивановский А. Поэзия и поэты: Критические статьи. М., 1933. С. 206–215. Первая публ.: На литературном посту. 1929. № 15. С. 31–35.

ные строки Пролога «Торжества земледелия» для их круга стали своего рода «мемом».⁷ После ареста М. Красильникова осенью 1956 года друзья скопировали для него текст этой поэмы и переправили ему в мордовский лагерь: «Я собираюсь перепечатать для тебя „Торжество земледелия“ и еще что-нибудь...» (из письма Л. Лифшица к М. Красильникову от 30 января 1958 года);⁸ «Насчет „Торжества“ не забыл. В ближайшее время постараюсь выслать...» (из почтовой карточки В. Герасимова к М. Красильникову от 16 февраля 1958 года).⁹

Заметим, что в своей осведомленности о литературных новинках корреспондентам Красильникова не всегда удавалось превзойти адресата: «Миша, <...> Ты мне напиши, читал ли П выпуск „Литературной“ Москвы”¹⁰ и московский же „День Поэзии“. Наверняка, тебе это интересно. Тогда я пошлю» (Из письма Валентины Катеринич от 11 октября 1957 года).¹¹

В ответных посланиях Красильников поддерживает репутацию авторитета в знании последних публикаций Заболоцкого, сохраняя за собой пальму первенства: «Р. С. Если появится „День поэзии“ новый¹² — не присылай, у меня уже есть, и даже с авторграфом Заболоцкого. (Его,¹³ кстати тоже не присылай). Гораздо интереснее „Антология советской поэзии“».¹⁴

Из письма Ю. Михайлова узнаем, что после «отъезда» Красильникова «основными популяризаторами творчества <Заболоцкого. — Ю. В.> стали Лева <Лев Лифшиц. — Ю. В.> и Саша <Александр Кондратов. — Ю. В.>».¹⁵

* * *

В начале 1960-х годов интерес А. Кондратова к поэзии Заболоцкого, помимо общих для «Филологической школы» читательских предпочтений, был связан с направлениями его первых научных исследований, — теорией информации, точными методами в стиховедении¹⁶ и семиотическими аспектами смысла текста. Об их проблематике и уверенной самопрезентации 25-летнего автора дает представление его письмо к Р. О. Якобсону, в США, отложившееся в фонде ученого из архива Массачусетского

⁷ «„Нехороший, но красивый, / Это кто глядит на нас?“ почти заменяло приветствие молодым людям, особенно „после вчерашнего“. Произносили это всегда немного нараспев» (*Цимбал И. С.* «Замечали — по городу ходит прохожий?» (О мифопоэтическом мышлении поколения 1950-х) // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья. С. 484).

⁸ Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 1. Folder 14.

⁹ Ibid. Folder 11.

¹⁰ Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. Сб. второй / Под ред. М. И. Алигер, А. А. Бека, В. А. Каверина и др. М., 1956. Здесь были опубликованы в том числе четыре стихотворения Заболоцкого: «Когда вдали угаснет свет дневной», «Чертополох», «Старая актриса», «При первом наступлении зимы...» (С. 415–417).

¹¹ Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 1. Folder 12.

¹² В Альманахе «День поэзии» (М., 1957) были опубликованы два новых стихотворения Заболоцкого: «Врач» (в других изданиях под названием «Смерть врача») и «Детство».

¹³ Имеется в виду сборник Заболоцкого «Стихотворения» (М., 1957).

¹⁴ Письмо М. Красильникова к В. Катеринич от 12 ноября 1957 года (частное собрание). Имеется в виду изд.: Антология русской советской поэзии. 1917–1957: В 2 т. / Сост. Л. О. Белов, Е. М. Винокуров, Н. А. Замотин, А. А. Коваленко. М., 1957. Во 2-й том антологии вошли 9 стихотворений Заболоцкого: «Седов», «Уступи мне, скворец, уголок...», «Город в степи», «Журавли», «Лебедь в зоопарке», «На рейде», «Я воспитан природой суровой...», «Ходоки», «Некрасивая девочка».

¹⁵ Письмо Ю. Михайлова к М. Красильникову от 16 октября 1957 года (Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 1. Folder 14).

¹⁶ С весны 1961 года А. Кондратов входил в рабочую группу под руководством А. Н. Колмогорова (на кафедре теории вероятностей механико-математического факультета МГУ). Ученый дал положительное заключение об анализе Кондратовым метрики и ритмики поэмы Маяковского «Люблю», выполненном в русле статистических исследований, и способствовал подготовке этой работы к научной публикации: *Колмогоров А. Н., Кондратов А. М.* Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 62–74.

технологического института (МИТ), относящееся, по всей видимости, ко второй половине 1962 года.

Дорогие коллеги!

С большой радостью узнал, что Вы организуете в 1963 году международный симпозиум по теории знаков. Я был бы счастлив сделать на этом симпозиуме доклад на тему «ИСКУССТВО КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА».¹⁷

В основу доклада будет положен конкретный материал, главным образом, поэзии, которой я занимаюсь как практически, так и теоретически (см. «Вопросы языкознания» № 3, № 5 1962,¹⁸ «Проблемы кибернетики» вып. 9 (в печати),¹⁹ «Техника молодежи» № 5 1962, «Рождение одной идеи»²⁰).

Я с большим удовольствием выслал бы Вам тезисы своего доклада; пока что посылаю тезисы докладов на нашей семиотической конференции, которая состоится в декабре этого года в Москве («Теория информации и поэтика» + «Структурная теория русской рифмы»), а кроме того, две работы, которые будут публиковаться в советских структуралистских сборниках (института Русского языка и института Славяноведения), вернее, не работы, а их тезисы («„Заумный язык“ и критерий осмысленности») и первую (общую) часть статьи «Структурная лингвистика и структурная поэтика». Конечно, для доклада на Вашем симпозиуме все эти темы будут обобщены в рамках теории знаков.

С приветом

ВАШ (Подпись) (Кондратов).²¹

Из приложенных к письму материалов²² заслуживают внимания тезисы статьи «Заумный язык и критерии осмысленности», имеющие непосредственное отношение к темам публикуемого поэтического цикла А. Кондратова и передающие его метод освоения и концептуализации определенного проблемного поля:

«Постановка вопроса. Проблема смысла в семиотике, логике, лингвистике, поэтике, общей теории искусств.

Поэзия как структура. Что считать „атомом“ поэзии? Фонема как первооснова иерархии (в «письменной поэзии» — графема); разложение фонемы на составные части даёт музыку, графемы — живопись (другие виды искусства).

¹⁷ Публикация Кондратова на эту тему: *Кондратов А.* Семиотика и теория искусства // Искусство. 1963. № 11. С. 23–27.

¹⁸ *Колмогоров А. Н., Кондратов А. М.* Ритмика поэм Маяковского; *Кондратов А. М.* Эволюция ритмики В. В. Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 101–108.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду работа: *Кондратов А.* Теория информации и поэтика (Энтропия ритма русской речи) // Проблемы кибернетики. 1963. Вып. 9. С. 279–286. Любопытны примеры, данные здесь автором при анализе энтропии ритма; для научной прозы — из статьи: *Яглом И. М., Добрушин Р. Л., Яглом А. М.* Теория информации и лингвистика // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 100–110; для деловой — из каталога выставки Н. П. Крымова (1884–1958).

²⁰ *Кондратов А.* Рождение одной идеи // Наука и техника. 1961. № 10–12; 1962. № 1–5 (публиковалось с продолжением).

²¹ МИТ. Roman O. Jakobson. MC 72. Box 43. Folder 3. Л. 1. Б. д. Машинопись. Формат А4. Подпись от руки. Публикуется впервые. Под письмом приведены координаты автора: «СССР, г. Куйбышев-областной / Куйбышевское отделение Союза журналистов СССР / Александр Михайлович Кондратов», а также сделана приписка: «Р. S. По какому адресу писать Вам?»

²² К письму А. Кондратова приложены краткие тезисы: «Заумный язык и критерии осмысленности», «Структурная теория русской рифмы», «Теория информации и поэтика». Последние были опубликованы: *Кондратов А. М.* Теория информации и поэтика // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962. С. 142. Вторая тема отражена в следующих работах автора: *Кондратов А. М.* 1) Создание словарей поэтического языка и рифм посредством ЭВМ // Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества. Тезисы и аннотации (18–22 февраля 1963 г.). Л., 1963. С. 26; 2) Статистика типов русской рифмы // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 96–106.

Модусы обозначения „заумной речи“:

1. Отдельные фонемы (Швиттерс,²³ дадаисты, Крученых).
2. Комбинации «слов» из фонем, не подчиненных никаким закономерностям ритма, эвфонии, языка (дадаисты, Крученых).
3. То же, что и 2, но имеется ритм, «звукопись» (Хлебников).
4. Грамматически «осмысленные» заумные тексты («глокая куздра» Щерб²⁴).
5. Потенциально возможные слова (корнесловие Хлебникова).
- 6.–7 и т. д. — осмысленные слова в бессмысленных сочетаниях; метафорическое осмысление (Пастернак, Цветаева), „поэтическая“ образная речь; эпитеты, метафоры, „нормальная“ речь — на самом крайнем полюсе речь логико-тематическая, где осмысленны только тавтологии.

Способы употребления:

1. „Эмотивная“ (эмоциональная) цель.
2. Мистическая (хлысты, глоссалогия)
3. „Научная“ (Хлебниковская теория языка).
4. „Литературная“ («антипоэзия» дадаистов, Крученых)
5. Структурная, поэтическая (как чистая поэзия — Хлебников и др.)
6. „Осмысленная“, как проекция на осмысленную речь.

Звукоподражания, варваризмы, междометия, собственные имена — скрытая „заумь“.

Важность проблемы осмысленности в связи с теорией современного искусства (особенно абстрактной живописи²⁵). „Семиотичность“ современного искусства и теории знаков.²⁶

Отметим, что в этом структурированном и претендующем на полноту перечне «модусов» зауми обэриуты не названы, хотя тезис, соответствующий обэриутской поэтике, обозначен п. 6–7. Объясняется это, прежде всего, тем, что «взрослые» произ-

²³ Швиттерс Курт (Schwitters, 1887, Ганновер, Германия — 1948, Кендал, Великобритания) — художник и поэт, теоретик и практик дадаизма. Тезисы о фонетической поэзии были даны им в статье «Konsequente Dichtung» (1924). Избранная библиография публикаций К. Швиттерса и исследований о нем: Dada Spectrum: The Dialectics of Revolt / Ed. by S. C. Foster, R. E. Kuenzli. Coda press, Inc.; The University of Iowa, 1979. P. 274–275, 282. Некоторые из его манифестов в переводе на русский язык опубл. в сб.: Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы / Отв. ред. К. Шуман. М., 2002.

²⁴ Имеется в виду фраза «глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка», предложенная Л. В. Щербой для грамматического анализа. См.: Кондратов А. М., Шорохов В. А. «Глокая куздра» (о методах лингвистического моделирования) // Школа-семинар по прикладной и инженерной лингвистике 3–14 июля 1978 г. (тезисы докладов и сообщений). Махачкала, 1978. С. 12. Популярное изложение истории изучения в лингвистике грамматических и семантических моделей языка в сопоставлении с их восприятием носителями языка дано А. Кондратовым в книге «Звуки и знаки» (2-е изд., перераб. М., 1978. С. 75–82), посвященной его «первой учительнице, преподавательнице Каменской базовой школы Зинаиде Анфимовне Данченко».

²⁵ Ср.: Кондратов А. От нуля к нулю // Художник. 1961. № 12. С. 23–26. Выскажем предположение, что тема абстрактной живописи в контексте проблем осмысленности современного искусства возникла у Кондратова после посещения Французской национальной выставки в Москве в Сокольниках (15 августа — 15 сентября 1961 года). В статье под видом критики производится обзор представленных на выставке творческих методов деятелей модернистских направлений (конкретизма, дадаизма и абстракционизма и др.): «„Конкретная музыка“ Пьера Шеффера и „ташистская“ живопись Поллока и Матье, „литература“ Беккета и Арто и „летристская“ поэзия Ииздора Изу — это явления одного и того же порядка, завершающие процесс, начавшийся с начала нынешнего века и означающий все прогрессирующий распад буржуазного искусства» (Там же. С. 25).

²⁶ Кондратов А. М. Тезисы статьи «Заумный язык и критерии осмысленности» // МПТ. МС 72. Вох 43. Folder 3. Л. 2. Машинопись. Формат А4. Публикуется впервые. Отметим, что вынесенный в название работы термин «заумный язык» в приложенных к письму тезисах дан без кавычек, в то время как в самом письме — в кавычках.

ведения Д. И. Хармса и А. И. Введенского (за исключением двух стихотворений каждого в сборниках «Союза поэтов» 1926 и 1927 годов) еще не были на тот момент доступны читателям. А вне обэриутского контекста произведения Н. Заболоцкого воспринимались Кондратовым сквозь призму изучения им четырехстопного ямба и его ритмических вариантов — то есть в классической парадигме. Имя автора «Столбцов» возникает в том же 1962 году в двух публикациях Кондратова, методологически основанных на идеях А. Н. Колмогорова²⁷ о применении теории вероятностей к исследованию ритма русского стиха. Интересующий молодого ученого ракурс намечен в тезисах его доклада «Математические методы в науке об искусстве («искусствометрия»)» на студенческой научной конференции в ЛГУ:

«5. Теоретико-вероятностные характеристики четырехстопного ямба (Белый, Топорков, Колмогоров) и реальный ямб поэтов. Эволюция русского четырехстопного ямба (от Тредьяковского и Ломоносова до Заболоцкого и Евтушенко).

<...>

8. Новаторство как снятие ограничений, налагаемых на текст. Рифма и ритмика классической и современной поэзии. Позволяет ли новаторство нести стиху больше информации, или же, снимая одни ограничения (например, ритмические), поэт вынужден вводить другие (например, более точную и глубокую рифму)?

9. Ритм и поэтический образ. Работы А. Колмогорова в области автоматизации <...>. Соотношение „сознания“ и „подсознания“ в поэтическом творчестве и кибернетическое изучение „черного ящика“ — мозга поэта (на примере ритмики)».²⁸

В книге Кондратова «Математика и поэзия» (1962) «Столбцы» Заболоцкого фигурируют в числе текстов для сопоставительного анализа частотности разных форм русского четырехстопного ямба.²⁹ Комментируя результаты своих подсчетов, Кондратов делает заключение: «Интересную картину дает четырехстопный ямб Заболоцкого (сборник стихов «Столбцы»). Заболоцкий утратил классический ямб пушкинской поры и употреблял четвертую форму ([ЯЯПЯ]. — Ю. В.) почти в два с половиной раза чаще, чем этого требуют законы русского языка».³⁰

Анализ ритмических особенностей входящих в «Столбцы» (по изданию 1929 года) стихотворений и выявление индивидуального «ритмического образа» четырехстопного ямба Заболоцкого (в сравнении с В. Хлебниковым и Л. Мартыновым) был произведен в статье А. Кондратова, вышедшей на польском языке в сборнике 1965 года «Поэтика и математика».³¹

²⁷ Об исследованиях ученого в этой области см.: Прохоров А. В. О работах А. Н. Колмогорова по стиховедению // Колмогоров А. Н. Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. М., 2015. С. 3–8; Гаспаров М. Л. А. Н. Колмогоров в русском стиховедении // Там же. С. 10–20.

²⁸ Кондратов А. М. Математические методы в науке об искусстве («искусствометрия») // Тезисы докладов на межвузовской студенческой научной конференции «Проблемы кибернетики и применения средств вычислительной техники в науке и производстве». Л., 1962. С. 23–24.

²⁹ Кондратов приводит статистику «шести основных форм русского четырехстопного ямба в произведениях поэтов различных эпох: XVIII века, пушкинской поры, начала XX века и поэтов 20–30-х годов, включая сюда стихи Леонида Мартынова, написанные в 20–60-х годах, и ямбы молодых поэтов, печатавшихся в журнале „Юность“ в 1960–1961 годах» (Кондратов А. Математика и поэзия. М., 1962. С. 27). В целом книга представляет популярное изложение теории А. Н. Колмогорова. Рец.: *Pszczołowska L.* Trzy popularne książki o wierszu // *Pamiętnik Literacki*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. R. 57. Z. 1. S. 333–337.

³⁰ Кондратов А. Математика и поэзия. С. 30. В сопоставительной таблице «Эволюция русского ямба», приведенной в этой же научно-популярной книге, следующей по употребительности формой 4-стопного ямба у Заболоцкого автором указана так называемая первая форма — [ЯЯЯЯ], без пиррихий (Там же. С. 29). Подробный анализ метрического репертуара Н. А. Заболоцкого произведен Т. С. Царьковой (см.: Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 126–151).

³¹ *Kondratow A.* Czterostopowy jamb N. Zabołockiego i niektóre zagadnienia statystyki wiersza // *Poetyka i matematyka*. Warszawa, 1965. P. 97–111 (Historia i teoria literatury. Studia. Teoria literatury / Instytut badań literackich Polskiej Akad. nauk). В статье приведена сравнительная таблица «Статистика форм четырехстопного ямба в русской поэзии XVIII–XX вв.» с данными статистики по 37 авторам (от Ломоносова до поэтов 1960-х годов включительно), по материалам исследований А. Белого, К. Ф. Тарановского, А. Н. Колмогорова и самого Кондратова. При этом

* * *

Публикуемый цикл А. М. Кондратова «ОБЭРИУ (корни)» сохранился в личном фонде литературоведа Анатолия Анатольевича Александрова (1934–1994) из собрания ЦГАЛИ СПб, что не является случайностью. Полагаю, что поводом к созданию этого цикла стали подготовленные А. А. Александровым и при его участии первые посмертные публикации обэриутов, материал которых открыл перспективу для сопоставительного анализа и выявления в поэтике Заболоцкого общих с обэриутами черт.

Замысел «ОБЭРИУ (корни)» не сводится к эстетической функции, это оригинальное филологическое исследование, сверхзадача которого — построение модели поэтики обэриутов («Вот некто Икс, увидев Игрек...» — так начинается Кондратов «Столбец пятый», обыгрывая выражение алгебраического типа). Метод А. Кондратова можно сформулировать так: постижение определенной поэтической (и шире — художественной) системы через ее имитацию. Поэтическое ремесло здесь служит инструментом для научной цели. Специфика же «фигуры автора» в «Столбцах», если прибегнуть к самохарактеристике Кондратова, состоит в совмещении трех его ипостасей / «ликов» («Поэт — Ученый — Журналист»³²), при этом ведущей ролью наделена ипостась ученого.

Цикл включает в себя 7 стихотворений — нумерованных «столбцов». Их названия единообразны («столбец + его порядковый номер» или «столбец + его порядковый номер: подзаголовок»). В машинописи графическое оформление названий варьируется, привлекая внимание ко всем входящим в их состав элементам (словам, цифрам, знакам препинания, пробелам): «Столбец первый.», «СТОЛБЕЦ 3: СИСТЕМА.», «Столбец пятый.», «Столбец 7: СМЫСЛЫ.», «СТОЛБЕЦ 8: СТАНСЫ.», «Столбец 9:», «Столбец 10: Судьбы.».

Учитывая научный интерес Кондратова к теории информации, нельзя исключить неслучайный характер этих различий, их обусловленность авторским замыслом организовать названия по принципу комбинаторики: наличие / отсутствие подзаголовка, словесное или цифровое выражение номера, набор прописными или строчными буквами, характер подчеркивания (сплошной или прерывистой линией; включая знаки препинания и пробелы или нет).

Является ли отсутствие столбцов с номерами 2, 4, 6 особенностью композиции цикла или свидетельствует о его неполноте, на данный момент установить невозможно, так как в других известных нам архивных собраниях поэзии Кондратова он не представлен. Цикл ранее не публиковался, за исключением «Столбца 10», напечатанного с некоторыми изменениями под заглавием «Плита обэриутам» <так!> в № 5 журнала «Звезда» за 1991 год в составе подборки из текстов Кондратова разных лет.

«Столбцы» Кондратова насыщены цитатами (как косвенными, так и прямыми). С точки зрения источников, их можно подразделить на группы, соответствующие трем ипостасям автора (поэта, журналиста, ученого): 1) тексты Заболоцкого и других обэриутов; 2) рецензии (прижизненная критика) и воспоминания современников; 3) работы стиховедов.

самим автором статьи был выполнен статистический анализ книги А. Белого «Пепел», поэм В. Хлебникова «Сельская очарованность», «Бунт жаб», «Ладомир», поэтических книг Л. Мартынова, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, А. Вознесенского, а также раздела поэзии журнала «Юность» за 1961 год. Из произведений Н. Заболоцкого, помимо «Столбцов», Кондратовым были проанализированы поэма «Торжество земледелия» и стихи 1937–1957 годов. В обзоре этого сборника В. Е. Холщевниковым (в составе его статьи о точных методах в изучении стиха) работа Кондратова была удостоена разгромного отзыва: «В статье есть интересные наблюдения и подсчеты, но они обесцениваются вульгарно-прямолинейным истолкованием каждого отклонения от средних данных непосредственно темой стихотворения, понимаемой совершенно произвольно» (Холщевников В. Стихование и математика // Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б. С. Мейлаха. М., 1968. С. 395).

³² Кондратов А. «Мои троицы». Подробнее см.: Орлицкий Ю., Павловец М. Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. Iss. I/II. P. 1–13.

В первую группу входят цитаты из Заболоцкого, помещенные в обэриутский текст. Отсылки к «Столбцам» (1929), «Торжеству земледелия», «Лодейникову», циклу «Рубрук в Монголии», стихотворениям «Меркнут знаки Зодиака», «Цирк», «Искушение», «Осень» соединены по принципу контаминации с реминисценциями из Хармса и Введенского, при этом любопытен выбор их произведений, в числе важнейших: стихотворение Хармса «Подруга», напечатанное А. А. Александровым в альманахе «День поэзии 1965», и стихотворение Введенского «Значенье моря», опубликованное им же, совместно с М. Б. Мейлахом, в 1967 году в «Материалах XXII научной студенческой конференции: Поэтика. История литературы. Лингвистика» в Тарту.

Согласно составленной Кондратовым рукописной «Библиографии своих опубликованных и неопубликованных произведений», начало работы над поэтическим циклом — весна 1968 года, что вполне согласуется с доступностью к этому времени для читателей упомянутых выше текстов. Отметим, что зафиксированное в тетради с библиографией название «Обэриу (1-ые столбцы)» в свернутом виде несет в себе концепцию «столбцов» как обобщенной модели, выражающей обэриутскую поэтику:

«„1968 (стихи)“:

март — Происхождение жизни (пьеса) ИР

февраль — Будетляне (поэма памяти) Цеп.

весна — Обэриу (1-ые столбцы) Пуз.

весна — Велимир-317 (начало поэмы) Скви.»³³

Наличие в «Столбцах» отсылок к некоторым «тамиздатским» публикациям следующего десятилетия — прозаической миниатюре Хармса «Сонет» (напечатанной в 1969 году А. Флакером в «Československa rusistika»), пьесам Введенского «Куприянов и Наташа» (первые увидевшей свет в альманахе «Аполлон-77» в составе подборки из нескольких произведений Введенского с иллюстрациями М. Шемякина и вступительной статьей В. Петрова «В мире гостей») и «Кругом возможно Бог» (представленной в 1978 году М. Б. Мейлахом в журнале «Эхо»)³⁴ — дает основание предположить, что по мере расширения круга опубликованных источников этот цикл Кондратовым дорабатывался.

На определенном этапе произведение с названием «ОБЭРИУ (корни)» должно было составить раздел задуманной Кондратовым книги «Поэмы памяти», черновой план которой приведен Ю. Б. Орлицким и М. Г. Павловцом в комментарии к журнальному изданию «Избранного» поэта:

«1. Будетляне (дань: 1908–1968)

2. ОБЭРИУ (корни) День икс

3. Велимир 317 (22 плоскости)».³⁵

Имеющаяся в рукописи этого плана авторская правка,³⁶ в том числе исправление даты первого раздела (с 1968-го на 1978 год), представляет интерес не только в связи с комментируемой исследователями поэмой «Будетляне», но и в отношении истории создания рассматриваемого нами цикла, его стадий. Список цикла «ОБЭРИУ (корни)» из

³³ РНБ. Ф. 1438 (А. М. Кондратов). Оп. 1. № 14. Л. 27 об. Тетрадь в линейку, в твердой картонной обложке с авторской нумерацией страниц. Надписана: «опись опусов». Наверху каждой страницы стоит год, ниже в столбик — произведения, с указанием месяца написания и цикла. «Пуз.» — имеется в виду цикл / том «Пузыри». Об авторском плане собрания сочинений см.: У Голубой Лагуны. Т. 1. С. 236–237. Републикован: Орлицкий Ю., Павловец М. Три творческих лика Александра Кондратова. Р. 8–9.

³⁴ Введенский А. 1) Куприянов и Наташа // Аполлон-77. Париж, 1977. С. 28–30; 2) Кругом возможно бог // Эхо. 1978. № 2. С. 114–137. Отметим, что публикации А. Введенского в «Аполлоне-77» и в журнале «Эхо» могли привлечь внимание А. Кондратова еще и потому, что там же были даны подборки стихов поэта «Филологической школы» В. Уфлянда.

³⁵ Кондратов А. М. Избр. произведения / Подг. текста и комм. М. Павловца и Ю. Орлицкого // Russian Literature. 2015. Vol. LXXXVIII. Iss. I/II. Р. 57.

³⁶ «...В дате 1968 цифра „6“ заменена на „7“, а название „Будетляне“ вычеркнуто и заменено заголовком „Плоскости“; та же операция проделана и со вторым разделом, который теперь стал называться „День икс“» (Там же).

архива А. А. Александрова недатирован, но, исходя из цитируемых в нем обэриутских произведений, он может быть завершен не ранее 1978 года, хотя этап изменения его названия в «День икс» не отражен. «Столбец первый» открывается вопросами о происхождении обэриутской поэтики и о своей поэтической родословной: «Откуда корни вырастают? / Откуда мы произрастаем?»

Источниками *второй группы* интертекстуальных отсылок являются критические суждения о «Столбцах» (1929) Н. Заболоцкого и о поэзии обэриутов, высказанные в статьях А. Селивановского («Система кошек»), А. Амстердама («Болотное и Заболоцкий») и Н. Асеева («Сегодняшний день советской поэзии»). В своей «журналистской ипостаси» А. Кондратов оппонирует критикам, обвинившим поэтов в «инфантилизме», «варварской, детской, <...> первобытной докультурности», «обесмысливании содержания», «языковой бедности», «поэтическом примитиве», стараясь объяснить те художественные явления, которые вызвали нападки. По Кондратову, отказ обэриутов от конвенционального языка русской поэзии, с присущим ему лексическим богатством, является способом указать на его лживость в эпоху, когда свободное высказывание невозможно, и поэтический язык дискредитировал себя:

Чтоб вселенную понять
Надо небо поменять
Чтоб взломать остроги строк
Надо пересилить страх
Оказаться невальяжным
Сделав стих одноэтажным
Рассказать его как дым
Показать его другим
Чтобы быть универсальным
Надо стать простым и сальным
Надо вставить ставни в стену
Называемой вселенной...
(«СТОЛБЕЦ 3: СИСТЕМА.»)

В приведенном выше примере строка «Сделав стих одноэтажным» подразумевает ритмический уровень стиха. В подтексте этих строк суждение о воздействии особого «образа-ритма», свойственного большим поэтам, на читателя, адресующее к стиховедческим работам А. Белого, Ю. Н. Тынянова, А. Н. Колмогорова и самого Кондратова,³⁷ представляющим *третью группу* источников. В таком случае выражение «Надо небо поменять» может быть истолковано как намеренное затемнение обэриутами лексико-семантического уровня при использовании традиционного ритма (т. е. когда осмысленным остается только ритм).

Цикл А. Кондратова «ОБЭРИУ (корни)» публикуется по авторской недатированной машинописи (ЦГАЛИ СПб. Ф. 678. Оп. 1. № 236. Л. 89–96) с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Тексты стихотворений напечатаны на отдельных листках формата в четверть листа А4 и вложены в согнутый пополам лист, который служит обложкой. При этом 6 стихотворений набраны на однотипной тонкой, почти прозрачной бумаге, одно стихотворение («Столбец 3») — на более плотной, желтоватой. Непропечатанные буквы вписаны черными чернилами; имеется правка отдельных слов. Строки публикуемых текстов пронумерованы нами для удобства анализа.

³⁷ «По всей видимости, воздействие происходит не только на самом низком этаже — ритме <...>, но и продолжается на более высоких „этажах“ стиха: фоническом, лексическом, семантическом» (Кондратов А. М. Статистика типов русской рифмы // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 101).

АЛЕКСАНДР КОНДРАТОВ

ОБЭРИУ
(корни)Столбец первый.

- Откуда корни вырастают?
Откуда мы произрастаем?
Стихами вроде бы простыми
Листы страниц растут листьями
5 Столбцы стихов своих листая
Мы поменялися местами
С соединением растений
Тело растений из сплетений
Той оросительной системы
10 Что орошает ум и темя
Из тьмы произрастают темы¹
Кусаясь разными кустами
Касаясь истины перстами
И² букв жуки и тараканы
15 Покорно ползают в стаканах
По корту строк — настанет срок³
Еще придет, уже грядет
Звезда бессмыслицы⁴ над смыслом
Свое раскинет коромысло
20 убожество⁵ стреножив⁶ мысли
И будет с бредом — с братом — вместе.⁷
Они окажутся на месте
Той⁸ жизни, что подобна мести
Позорной мази или масти
25 И вещи веще ограждая
И смысл бессмыслицы рожая
Не порыжеет⁹, заржавея,
Железо образов живое
То обнаженное железо
30 Из слов просеянной породы
И благороднейшей породы —
Преодолев гранит преграды
В простом ритмическом наряде
Стихи в столбцах как на параде
35 И их бессмысленный порядок
Осмыслен местом или рядом
А мы, стоя единым рядом
Поем сады и огороды
Большой бессмысленной природы.

СТОЛБЕЦ 3: СИСТЕМА.

- Надо жить начать обратно
Чтобы было все понятно¹⁰
Чтоб увидеть то, что видно
Надо сделать стих невинным
5 По-лебядкински роскошным¹¹
По-ребячески раскосым¹²
Чтоб понять миров устройство

- Надо строкам дать расстройство
Чтоб вселенную понять
- 10 Надо небо поменять
Чтоб взломать остроги строк
Надо пересилить страх
Оказаться невальяжным
Сделав стих одноэтажным¹³
- 15 Рассказать его как дым
Показать его другим
Чтобы быть универсальным¹⁴
Надо стать простым и сальным
Надо вставить ставни в стену¹⁵
- 20 Называемой вселенной
Желтой (следует — зеленой)
То есть белой (очерненной)
В красной синеве воды
Не бояться ерунды¹⁶
- 25 Смело сунув руки в реки
Осознать любые враки¹⁷ —
Каждый бред осмыслен, если
Появляется на месте
Каждый жук подобен звуку¹⁸
- 30 Каждый стих подобен стуку
В дверь закрытую преграду
В шутку названной «природа»
Где осмысленный порядок
Исполняет беспорядок
- 35 Чтобы встало все на место
Надо с бредом быть совместно
В песне двинув на созвездья
По провалам непрорытым
Быта скверное корыто¹⁹
- 40 Вкупе с богом необутым...²⁰
Надо быть обэриутом!

Столбец пятый.

- Вот некто Икс, увидев Игрек²¹
Стихами затевает игры
Подобен догу или тигру
Берет пародией эпиграф²²
- 5 Хваля икру и славя икры
И эти игры затеая
В любую маску одеваясь
Он сам не знает, издеваясь,
Каких он целей достигает
- 10 Прославив семгу-растегая
Стихи слагая пустяками
Стегая этими стихами
Стегая мир, как одеяло
Его нагое одеянье
- 15 Идиотизмом идеалов
Идя путем довольно дерзким²³
Возможно, ложным т. е. детским

- Но дети ходят без одежды
У них на мир открыты вежды
20 Они в познании безгрешны
Как первозданные невежды
И если кажется невежлив
Насмешлив тон столбцовых строчек
Весьма возможно, этот почерк
25 Единственно возможный очерк
Того, что видим в одиночку
Когда на мир возводим очи.
Напрасно критики порочат
Кривыми криками пророча
30 О построениях непрочных
И увлечениях увечных
Они продольно-поперечны
Издравле эти темы вечны
Надменный мир лежит овечкой
35 И бедный разум грязной свечкой
Его вещами освещает...
Стихи стихиями вещают
Стихи стекают косяками
Стреляя строками-руками
40 И эти реки пахнут тиной
И во вселенском карантине
Скорбит крамольная картина
Она звучит как каватина
Как сновидения квартира
45 И откровение кретина.
Безумный бог, обув ботинок²⁴
С тоской вытаскивает гвозди
И эти гвозди — звездный воздух
Который виснет коромыслом
50 Над человеческою мыслью
И каждый листик, словно мистик
Постиг мистирию созвездий
Уподобляется невесте
Поэт вступает в брак с природой
55 Стремясь увидеть за преградой
Поверх различных огородов²⁵
Того, кто принял наши роды
Крестив отчаяньем и градом
И дал в обильную награду
60 Житейской жизни бутерброды
Всегда приправленные бредом.

Столбец 7: СМЫСЛЫ.

- Когда мы смыслы сдвинем с места
Моменты мыслей склеим вместе
И распахнем природы ясли
То сразу станет ясно ясно
5 Что явность — яство или выстрел
Летающий бог его куда
Даря невидимый удар

- Неведому кому зачем
 Экзаменатору зачет
- 10 Сдаем по жизненной шпаргалке
 Он ставит птички или галки
 И отпускает нас домой
 Конечно, книзу головой²⁶
 Он нас не видит. Мы — не слышим.
- 15 С годами делаясь все тише.
 Старая, оставляем туши
 Совсем без звука или с тушем
 Свечу души зачем-то тушат
 О мертвецах живые тужат
- 20 И остаемся мы одни
 На дне огромной западни
 Не зная, скоро или после
 Мы воскресаем на погосте
 И угощаем наши кости
- 25 Червями вкусными как сон²⁷
 Мы повторям колесо
 Крутясь от жизни и до смерти
 Согласно беспощадной смете
 В которой мы нули и знаки
- 30 В созвездьях звездных Зодиака.

СТОЛБЕЦ 8:²⁸ СТАНСЫ.

- Нам нужны значенья знаков
 Зодиака и собак²⁹
 В окруженьи экивоков³⁰
 Что в зобах и на зубах
- 5 Пусть причин башибузуки³¹
 Увлекаются наукой
 И бледнеет бог безрукий
 Перед этой буквой-букой.
- Рак ползет неаккуратный
- 10 Откровенно шестикратный
 А над ним Телец-наглец
 Повелителем овец.
- Конь с земли летит копыта
 На созвездья променяв
- 15 В откровении открытом
 Совершая променады.
- 8, Вася и 4³²
 Проживают в эт<о>м мире
 Мир, похожий на тельца
- 20 Начинается с конца

На конце 4 темы —
 Своеволие системы

У которой темень-темя³³

У которой имя-вымя.

Столбец 9:

Мы видим то, не видя это —

И мы поэтому поэты

И ставши теми и не теми³⁴

Мы тонем в тезисах системы

5 Очами чудо изучая

Которое зовется щами³⁵

Где щавель плавает картошкой

Смотря в закрытое окошко

Покорной правилам природы

10 За ходом родов у природы.

Столбец 10: Судьбы.³⁶

За что Господь их покарал?

Анкету жизни замарав:

Никто из них не умирал

Своею смертью в номерах.

5 И лишь один из них — отступник³⁷ —

Перед самим собой преступник

Смирившись с дьяволовой сектой

Отвел душе особый сектор

Стихов своих же вивисектор

10 Увечно их переинача

Поставил главной задачей

Смиренной мыслию осмыслить

Бред³⁸ ежедневной черной мессы

И среди шавок разной масти

15 Его почтили лестным местом.

¹ Кондратов применяет рифму по методу В. Маяковского — для ввода темы. В строках 9–11 тройной рифмой «системы — темя — темы» обозначен тезис о натурфилософской основе поэзии Заболоцкого обэриутского периода: «система» — устройство мироздания, природа («оросительная система»), «тьма» — тайна мира, «темя» — мысли. Об использовании этой тройной рифмы в другом значении в «Столбце 8» см. прим. 33.

² Было: Где

³ Строка «По корту строк — настанет срок» содержит палиндром «корт строк» и представляет собой автореминисценцию к поэме А. Кондратова «Урок сроку», написанной в 1967 году как «перевертень» поэмы В. Маяковского «Хорошо!» (Кондратов А. Урок сроку (пятисот — пятидесяти): Октябрьская поэма-перевертень // Звезда. 1993. № 8. С. 36–41). Подробнее об этом произведении Кондратова см.: Балашова А. Об «Угоре сроку» и «Уколе Блоку» // Революция на языке палиндрама: Блок и Маяковский в поэтических трансформациях / Авторы-сост. А. А. Балашова и И. В. Чудасов. СПб., 2020. С. 75–101.

⁴ Отсылка к финалу поэмы А. Введенского «Кругом возможно Бог». «Горит бессмыслицы звезда / она одна без дна. / Вбегает мертвый господин / и молча удаляет время» (цит. по: Введенский А. Полн. собр. произведений: В 2 т. / Сост. и подг. текста М. Мейлаха, В. Эрля; вступ. статьи и прим. М. Мейлаха. М., 1993. Т. 1. С. 152; курсив в цитатах здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, мой. — Ю. В.). В послесловии к первой публикации поэмы М. Б. Мейлах охарактеризовал ее как «своего рода путеводитель по моделям бессмыслицы поэтического языка Введенского» (Мейлах М. О поэме Александра Введенского «Кругом возможно Бог» // Эхо. 1978. № 2. С. 140).

⁵ Эта строчка начата с маленькой буквы.

⁶ Было: стреножим (т. е. глагол в форме будущего времени, 1 л., мн. ч. — Ю. В.)

⁷ В машинописи нет различия между знаками дефиса и тире. В этой строке в обоих случаях стоит дефис.

⁸ Было: Эта

⁹ В машинописи дано слитно: непорыжеет

¹⁰ «Столбец 3» построен на контаминации цитат из стихотворения А. Введенского «Значенье моря» (впервые опубликованного А. А. Александровым и М. Б. Мейлахом: Материалы XXII научной студенческой конференции: Поэтика. История литературы. Лингвистика. Тарту, 1967. С. 109–112) и поэмы Н. Заболоцкого «Торжество Земледелия» (глава «Битва с предками»). Первые две строки «Столбца 3» повторяют в обратном порядке первые строки Введенского, обыгрывая мотив *обратности*: «*чтобы было все понятно / надо жить начать обратно / и ходить гулять в леса / обрывая волоса*» (Введенский А. И. Полн. собр. произведений. Т. 1. С. 116). Интересно, что Кондратов вводит рифму «понятно» — «обратно», которая встречается и у Заболоцкого, тем самым акцентируя общие для обоих авторов темы / рифмы: «Предки, все это *понятно*, / но, однако, важно знать, / не пойдем ли мы *обратно*, / если будем лишь рожать?» (Заболоцкий Н. Торжество Земледелия // Звезда. 1933. № 2/3. С. 91).

¹¹ Отсылка к воспоминаниям В. Каверина о том, как у него дома Заболоцкий читал свои стихи в присутствии П. Антокольского, и тот сравнил их со стихами персонажа Достоевского: «...выслушав его стихи, сказал, что они похожи на стихи капитана Лебядкина. Заболоцкий не обиделся. Подумав, он сказал, что ценит Лебядкина выше многих современных поэтов» (Каверин В. За рабочим столом // Новый мир. 1965. № 9. С. 164; тот же текст: Каверин В. А. Заболоцкий // «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...». М., 1965. С. 70–71).

¹² Отсылка к критическим словам в адрес Н. Заболоцкого, Д. Хармса, А. Введенского из речи Н. Асеева на дискуссии во Всесоюзном союзе советских писателей 16 декабря 1931 года (опубл. в «Красной нови» под заглавием «Сегодняшний день советской поэзии»): «Они (обэриуты. — Ю. В.) не учли, что издевка и *перекривливание традиций* возможны лишь в том случае, когда эта традиция сильна. Их формальная оппозиция традиционному трафарету, попытка провести ее через разлом формы привели их к обесмысливанию содержания» (Асеев Н. Сегодняшний день советской поэзии // Красная новь. 1932. Кн. 2. Февраль. С. 161). См. также прим. 22.

¹³ «Сделав стих одноэтажным» — имеется в виду ритмический уровень стиха. В подтексте строк 9–14 суждения А. Кондратова о воздействии особого «образа-ритма», свойственного большому поэтам, на читателя из его стиховедческой статьи «Статистика типов русской рифмы», в которой он ссылается на анализ А. Белым 4-стопного ямба в книге «Символизм». Кондратов называет ритм «самым низким этажом» стиха: «По всей видимости, воздействие происходит не только на самом низком этаже — ритме <...>, но и продолжается на более высоких „этажах“ стиха: фонетическом, лексическом, семантическом» (Кондратов А. М. Статистика типов русской рифмы. С. 101). Попутно выскажем предположение, что само образное выражение «этаж стиха», употребленное Кондратовым, было своего рода отсылкой к авторской терминологии, используемой А. Белым для схематического изображения ритма («крыша», «перевернутая крыша», «лестница» и др.). Строка 10 («Надо небо поменять») в этом контексте подразумевает намеренное затемнение обэриутами лексико-семантического уровня текста, но при этом при использовании ими традиционного ритма.

¹⁴ Строки 15–18 содержат контаминацию аллюзий на стихотворение А. Введенского «Значенье моря»: «и стоит *универсальный* / бог на кладбище небес / конь шагает идеальный / наконец приходит лес / мы испуганно глядим / думая что это *дым*»; «здравствуй бог *универсальный* / я стою немного *сальный* / волю память и весло / слава небу унесло» (цит. по: Введенский А. Полн. собр. произведений. Т. 1. С. 116, 118).

¹⁵ Было: стены. Строка 19 продолжает развитие стиховедческой темы ритма. «Надо вставить ставни в стену» — отсылает к 1-й главе «Проблемы стихотворного языка» Ю. Тынянова («Ритм как конструктивный фактор стиха»), в 6-м параграфе которой исследователь, переиначив извлекательные слова Л. Троцкого, сравнившего в статье «Литература и революция» ритм в прозе А. Белого со «скрип <ом> ставен во время бессонницы», сопоставляет стихотворный ритм с «хлопаньем ставен», придав этому образному выражению позитивное значение (Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1993. С. 51).

¹⁶ Кондратов полемизирует с автором фельетона «Болотное и Заболоцкий», обвинившим поэта в идеологическом «дальтонизме»: «У Заболоцкого выступает болотное. Это особая черта, сходная с органическим дефектом, называемым дальтонизмом — неразличение цветов. Человек, страдающий дальтонизмом, может спутать *красное с зеленым, зеленое с синим*. Поэт, в творчестве которого проступает болотное, легко спутает... новый быт со старым, советское и мешанское, социализм и рынок» (Амстердам А. Болотное и Заболоцкий // Резец. 1930. № 4. С. 13). В то же время в интертекстуальном плане строки 19–25 содержат отсылку к мифологическим мотивам пьесы Введенского «Куприянов и Наташа»: «Сейчас и я предстану пред тобой / почти что голый

как прибой. / Я помню раньше в этот миг / я чувствовал восторг священный, / я видел женщины родник / зеленый или синий, / но он был красный» (Введенский А. Полн. собр. произведений. Т. 1. С. 154) и стихотворения Заболоцкого «Бродячие музыканты»: «...и с песней нежною Тамары / уста тихонько раствори. / И все умолкло... / Звук самодержавный, / глухой как шум Куры, / роскошный как мечта, / пронесся...» (Заболоцкий Н. Столбцы. [Л.,] 1929. С. 57). Подробнее о пьесе Введенского «Куприянов и Наташа» см.: *Валиева Ю. М.* Игра в бессмыслицу: Поэтический мир Александра Введенского. СПб., 2007. С. 133–151.

¹⁷ Дальнейшие строки этого «Столбца» содержат аллюзии на стихотворения Н. Заболоцкого «Меркнут знаки Зодиака», «Лодейников», «Осень» и «Цирк». Так, строки 26–28 отсылают к началу 3-й строфы «Меркнут знаки Зодиака»: «Кандидат былых столетий, / полководец новых лет — / Разум мой! Уродцы эти — / только вымысел и бред. / Только вымысел, мечтанье, / сонной мысли колыханье, / безутешное страданье — / то, чего на свете нет...» (Звезда. 1933. № 2–3. С. 78). Ср. «Столбец 8».

¹⁸ Аллюзия на 2-ю главу «Лодейникова» Н. Заболоцкого: «И в этот миг жук в дудку задудил. / Лодейников очнулся. Над селеньем / всходил туманный рог луны, / и постепенно превращалось в пеню / шуршанье трав и тишины. / Природа пела. Лес, подняв лицо, / пел вместе с лугом...» (Звезда. 1933. № 2–3. С. 80), а также на стихотворение «Осень» (6-ю строфу): «Жук домик между листьев приоткрыл / И, рожки выставив, выглядывает, / Жук разных корешков себе нарыл / И в кучку складывает, / Потом трубит в свой маленький рожок / И вновь скрывается, как маленький божок» (Заболоцкий Н. Стихотворения. М., 1957. С. 8). Заметим, что этот сборник Заболоцкого (в котором также был напечатан отличающийся от публикации в «Звезде» текст «Лодейникова») был прочитан в кругу «Филологической школы» «с пристрастием». В машинописном письме от 16 октября 1957 года Юрий Михайлов сообщил М. Красильникову о новостях литературной жизни («Мартынов и Заболоцкий уехали в Венецию на международную встречу поэтов. Оба по-прежнему часто печатаются в журналах, а у Заболоцкого вышел не ахти какой, но все же сборничек с переработанным Лодейниковым и Осенью...» (Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Box 1. Folder 14)) и перепечатал для него все 8 строф «Осени», расположив их сплошным текстом, в строчку, как естественное продолжение своего письма.

¹⁹ Адресация к четырем последним строкам стихотворения Заболоцкого «Цирк»: «Над ними небо было *рыто* / веселой руганью двойной, / и жизнь трещала, как *корыто*, / летая книзу головой!» (Звезда. 1929. №2. С. 114).

²⁰ Ср. «Столбец пятый», строка 46: «Безумный бог, обув ботинок».

²¹ Кондратов начинает «Столбец пятый» с выражения алгебраического типа, характерного для формального анализа языка, обыгрывает схематичное изображение модели повествования, тем самым давая понять, что произведения обэриутов построены по определенной модели. Ср. его суждение из статьи «От нуля к нулю»: «...произведения модернизма легко поддаются имитации на кибернетических машинах» (Художник. 1961. № 12. С. 25). Ср. популярное изложение Л. В. Успенским принципа грамматической модели («глокая куздра»), предложенной Л. В. Щербой: «В языке есть нечто, подобное определенным цифрам, определенным величинам. Например, наши слова. Но в языке есть и что-то, похожее на алгебраические или геометрические законы. Это что-то — грамматика языка» (Успенский Л. Слово о словах (Очерки о языке). [М.], 1957. С. 317–318).

²² В подтексте строк 4–21 ответ А. Кондратова на критику поэзии Заболоцкого, Хармса, Введенского Н. Н. Асеевым, по его словам, «пытавшихся обосновать свой творческий метод на пародированной восставаемости архаических компонентов стиха»; ср. также: «...у Заболоцкого, например, *издевательство* над этой традицией обернулось в *издевательство* над действительностью; *идиотизм* синтаксического штампа превратился в *идиотизм* содержания» (Асеев Н. Сегодняшний день советской поэзии. С. 161). Отсылка к критическим высказываниям Асеева из этой статьи содержится также в «Столбце 3», см. прим. 12.

²³ В строках 16–21 подразумеваются тезисы из статьи А. Селивановского «Система кошек»: «Заболоцкий хочет дать поэтический примитив, какие-то первичные ощущения нерассуждающего подсознания. <...> Тяжелые шаги истории пугали художников <...> И они уходили от смысла к примитиву, от осознаваемой культуры — к варварской, детской, подсознательной, первобытной докультурности» (Селивановский А. Система кошек (О поэзии Н. Заболоцкого). С. 209–210).

²⁴ Аллюзия на 1-ю строфу стихотворения Н. Заболоцкого «Небесная Севилья»: «Стынет месяцево ворчанье / В небесной Севилье. Я сегодня — профессор отчаянья — / Укрепился на звездном шпиле. / И на самой нежной *волынке* / Вывожу ритуфель небесный, / И дрожат мои *ботинки* / На блестящей крыше звездной» (цит. по: Заболоцкий Н. А. Избр. произведения: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 233 (в составе письма Н. Заболоцкого к М. И. Касьянову от 12 декабря 1921 года)). В строках 40–46 Кондратов создает вертикальную цепочку из шести концевых рифм (тиной — карантине — картина — каватина — квартира — кретина — ботинок), отсылая к «заданным» Заболоцким рифме и музыкальной лексике: «волынке / ботинки» → «каватина / ботинок»; «волынка, ритуфель» → «каватина». Мотивировкой для такого «потока» рифм служит образ: «стихи

стекают косяками» (строка 38), который, в свою очередь, в соединении с первым словом из рифменного ряда («тина»), ведет к стихотворению Заболоцкого «Море», с его лейтмотивом водной стихии-музыки («...из черных ртов у них стекал / поток горячего стекла, / стекал и падал, наддувался, / качался, брызгал, упал / навстречу поднимался вал / и шторм кружил в буйном вальсе» (Заболоцкий Н. Столбцы. 1929. С. 19)). Подробнее об особенностях рифмования в стихотворении «Море» см.: Красильникова Е. В. Строки без рифм в рифмованных стихах (Н. Заболоцкий, Столбцы, 1929) // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: Сб. статей. М., 2003. С. 374.

²⁵ Отсылка к «Лодейникову» Н. Заболоцкого. Ср.: «Вокруг Лодейникова расположены / моста глухой природы — / бегут животные, стреножены, / благоухают огороды» (Звезда. 1933. № 2–3. С. 79).

²⁶ В строках 6–8, 13 обыгрывается сквозной мотив поэзии Заболоцкого 1920-х годов — полета, полета вниз головой. Ср. стихотворение «Футбол», а также финал стихотворения «Цирк»: «Над нами небо было рыто / веселой руганью двойной, / и жизнь трещала, как корыто, / летая книзу головой!» (Звезда. 1929. № 2. С. 114); 5–8 строки первой строфы стихотворения «Белая ночь»: «...раздвинулись мсты и кручи, / бегут любовники толпой, / один — горяч, другой — измучен, / а третий — книзу головой...» (Заболоцкий Н. Столбцы. 1929. С. 10). Рифмы последней строфы «Белой ночи» Заболоцкого («И всюду сумасшедший бред, / и белый воздух липнет к крышам, / а ночь уже на ладан дышит, / качается как на весах» (Там же. С. 12)) «подхвачены» Кондратовым в строках 14–19 («не слышим — тише — туши — тушем — тушат — тужат»).

²⁷ Строки 19–27, с аллюзиями на 3-ю часть «Лодейникова» и стихотворение «Искушение», акцентируют мотивы натурфилософской поэзии Н. Заболоцкого. Ср.: «Лодейников склонился над листьями, / И в этот миг привиделся ему / Огромный червь, железными зубами / Схвативший лист и прянувший во тьму» (Заболоцкий Н. Лодейников // Заболоцкий Н. Стихотворения. С. 15); «Изо всех отверстий тела / Червяки глядят несмело, / Вроде маленьких малют / Жидкость розовую пьют» (Заболоцкий Н. Искушение // Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1965. С. 232 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

²⁸ Было: 4:

²⁹ Контаминация образов из «Лодейникова» («Вокруг меня кричат собаки, / растет в саду огромный мак, — / я различаю только знаки / домов, растений и собак» (Звезда. 1933. № 2–3. С. 79)) и стихотворения «Меркнут знаки Зодиака».

³⁰ Отсылка к 4-й строфе стихотворения «Как Рубрук простился с Монголией» из цикла «Рубрук в Монголии»: «Но на святые экивоки / Он отвечал: „Послушай, франк! / И мы ведь тоже на Востоке / Возводим бога в высший ранг“» (Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. С. 189).

³¹ В строках 5–6 («Пусть причин башибузуки / Увлекаются наукой») каламбурно обыгрывается «двойной смысл» образного ряда знаменитых строк из «Меркнут знаки Зодиака» («людоед у джентльмена / неприличное отгрыз») и предпоследней строфы из стихотворения «Как было трудно разговаривать с монголами» (цикла «Рубрук в Монголии»): «Как прототип башибузука, / Любой монгольский мальчуган / Всю казуистику Рубрука. / Смеялся засовывал в карман» (Там же. С. 187). Эти не сразу поддающиеся расшифровке остроумные образы Заболоцкого, состыкованные Кондратовым по принципу ассоциативной связи (причин башибузуки — причинное место — неприличное — засовывал в карман; причины — казуистика), в своей парадоксальной разноплановости сюжетного контекста создают своего рода новую загадку: что общего между описанием ночи, людоедом, монголами и рифмой к слову «карман»? Подсказкой будет строка из «Меркнут знаки Зодиака»: «над землей луна висит». Подразумеваемый ответ — месяц, полумесяц. Следовательно, в первом случае смеховой низовой образ служит описанием неполной луны, во втором — с помощью рифмы и эвфемизма дается намек на название священной книги, дабы указать на невосприимчивость монголов к миссионерским разговорам Рубрука. Об интерпретациях этого стихотворения литературоведами см.: Заболоцкий Н. А. Столбцы / Изд. подг. Н. Н. Заболоцкий, И. Е. Луцилов. М., 2020. С. 473–474 (сер. «Литературные памятники»).

³² В контексте предыдущей строфы («Конь с земли летит копыта...») число «8» адресует к стихотворению Заболоцкого «Движение»: «А бедный конь руками машет, / то вытянется, как налим, / то снова восемь ног сверкают / в его блестящем животе» (Заболоцкий Н. Столбцы. 1929. С. 32). Однако алогизм соединения «8, Вася и 4» свидетельствует скорее о том, что как имя, так и числа используются здесь только в качестве пустой матрицы определенной ритмической схемы. В предупреждении к своим циклам «Нумерология» и «Цыфирь», построенным на таком же приеме, Кондратов пояснил: «Музыкантам известен термин „рыба“. Так называют запись мелодии без слов, числами, с тем, чтобы потом найти к этой мелодии „настоящие слова“ (например, первая строчка песни «Во поле береза стояла» в ключе «рыбы» можно записать числами: 35-12-15)» (Кондратов А. Игровые стихи // Аврора. 1990. № 2. С. 101). Выскажем предположение, что прообразом для «нумерологических» опусов Кондратова стали именно обэриутские тексты, алогизм чисел в которых интерпретировался им в значении «нулевого» в семантическом плане элемента. Помимо «Движения» Заболоцкого, в качестве возможного претекста строк 17–20 назовем

произведения Хармса, приведенные в первых посмертных публикациях: стихотворение «Подруга» («На лице твоём, подруга, / два точильщика-жука / начертили *сто два* круга, / *цифру семь* и букву К.» (День поэзии 1965: Сб. М.; Л., 1965. С. 292; публ. А. А. Александрова)) и прозаическую миниатюру «Сонет» («Удивительное случилось со мной: я вдруг забыл, что идет раньше 7 или 8. Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу. Каково же было мое удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счета. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 они помнят, а дальше забыли...» (Флакер А. О рассказах Даниила Хармса // *Československa rusistika*. 1969. Roč. XIV. № 1. С. 82–83)), а также уже упомянутое нами «Значенье моря» Введенского: «...мы на дне глубоком моря / мы утопленников рать / мы с *числом пятнадцать* спора / будем бегать и сгорать».

³³ В строках 21–23 «Столбца 8» вновь возникает тройная рифма из «Столбца 1» (см. прим. 1), но изменяется порядок рифмующихся слов, их коннотация и связанные с ними мотивы: «системы — темя — темы» → «темы — системы — темень-темя». Если в «Столбце 1» эта рифма указывала на важность в поэзии обэриутов натурфилософских мотивов, то в «Столбце 8» — рифмы вводят мотив убийства поэтов («темя») государственной системой за темы стихов. Отметим также аллюзию к стихотворению Заболоцкого «Бродячие музыканты»: «*Система* тронулась в порядке, / качались знаки вымысла...» (Заболоцкий Н. Столбцы. 1929. С. 56); «Вокруг него — *система* кошек, / система ведер, окон, дров / висела, *темный мир* размножив / на царства узкие дворы» (Там же. С. 58).

³⁴ Обратим внимание на внутреннюю и концевую рифму «теми — темы — системы» (строки 3–4). В «Столбце 9» ею обозначены мотивы смерти и перерождения, восходящие к поэме «Торжество Земледелия», главе «Битва с предками»: «В это время дуб, встревожен, / раскололся. В это время / волк пронесся, огорошен, / защищая лапой *темя*» (Звезда. 1933. №2/3. С. 92). О семантике этой же рифмы в «Столбце 1» и «Столбце 8» см. прим. 1 и 33.

³⁵ Развитие мотивов «Столбца 7». Реминисценции натурфилософских мотивов поэзии Заболоцкого. Ср.: «Была дева — стали *щи*. / Смех, не смейся, подожди! / Солнце встанет, глина треснет, / Мигом девица воскреснет. / Из берцовой из кости / Будет деревце расти...» (Заболоцкий Н. Искушение // Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. С. 232); «...а под горой машинный храм / выделявал кислородные лепешки. / Там кони — химии друзья — / хлебали *щи* из ста молекул, / иные, в воздухе висят, / смотрели — кто с планет приехал» (Заболоцкий Н. Торжество Земледелия // Звезда. 1933. № 2–3. С. 94); «Природы вековая давилъня / Соединяла смерть и бытие / В один клубок, но мысль была бессильна / Соединить два таинства ее» (Заболоцкий Н. Людейников // Заболоцкий Н. Стихотворения. С. 15).

³⁶ Текст «Столбца 10» опубликован с изменениями, под названием «Плита обэриутам» (Звезда. 1991. № 5. С. 94; вступ. заметка к публикации М. Л. Гаспарова). В журнальной версии первые две строки представляют одно вопросительное предложение. После 4-й строки даны две дополнительные строки (введенные двоеточием): «кому — расстрел, кому — тюрьма, / где той же смерти кутерьма». Строка 7 («Смирившись с дьяволовой сектой») убрана. Строки 8 и 9 поменяны местами. Строка 9 перифразирована («собственноручный вивисектор»). В строке 14 словосочетание «разной масти» заменено на «разномастных». Если в «Столбце 10» Заболоцкий остается не названным, то в журнальном варианте в конце добавлены строки, раскрывающие имя адресата: «за то, что больше не юродский / а наш, болотный, — Заболотский.». Написанием фамилии поэта через «тс» Кондратов вводит отсылку к фельетону А. В. Амстердама «Болотное и Заболоцкий» («У Заболоцкого выступает *болотное*. Это особая черта, сходная с органическим дефектом, называемым дальтонизмом — неразличение цветов. <...> Поэт <...> легко спутает... новый быт со старым, советское и мещанское, социализм и рынок» (Резец. 1930. № 4. С. 13; курсивом выделено слово, набранное в источнике полужирным шрифтом. — Ю. В.)).

³⁷ Тема «общности судьбы» обэриутов была характерна для воспоминаний и позиции Я. С. Друскина. По всей видимости, Кондратов не знал полный состав участников группы «ОБЭРИУ» и не располагал сведениями о том, что живы входившие в ее состав И. В. Бахтерев (1908–1996), А. В. Разумовский (1907–1980), С. Л. Цимбал (1907–1978). Возможно также, что замысел этого «Столбца» сложился в период первых публикаций воспоминаний об обэриутах, в которых сведения об их биографии были не всегда достоверными.

³⁸ Было: Ход

Список литературы

1. Андреев Л. Г. Куда же идет французская литература? // Вопросы литературы. 1964. № 2.
2. Балашова Т. В. Споры о «новом романе» // Вопросы литературы. 1963. № 12.
3. Брейтбурд Г. С. Итальянский «новый авангард» // Новый мир. 1967. № 3.
4. Буйнова К. Р. Иностранная комиссия Союза писателей СССР в 1950-е гг. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3.
5. Великовский С. На холостом ходу // Иностранная литература. 1963. № 1.
6. Великовский С. И. Разрушение романа (о «новой школе» французской прозы) // Иностранная литература. 1959. № 1.
7. Головин Е. Лирика «модерн» // Иностранная литература. 1964. № 7.
8. Голубцова А. В. Георгий Брейтбурд и советская рецепция итальянского неоавангарда // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9. № 1.
9. Кин Ц. Вопросы анкеты и вопросы жизни // Новый мир. 1964. № 10.
10. Кин Ц. Литературная алхимия // Иностранная литература. 1966. № 1.
11. Кузнецов М. О путях развития современного романа // Новый мир. 1960. № 2.
12. Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М., 1972.
13. Тертерян И. Что такое «конкретная поэзия»? // Вопросы литературы. 1965. № 5.
14. Трущенко Е. Роб-Грийе ищет точки опоры // Новый мир. 1962. № 7.
15. Шкунаева И. Новейшая «алитература» // Новый мир. 1959. № 3.
16. La polemica di Novi Mir contro la neo-avanguardia // *Quindici*. Giugno 1967. Anno 1. № 1.
17. Sabbatini M., Litvin E. La Comunità europea degli scrittori e l'Urss dal disgelo agli anni Settanta // *Mondo contemporaneo*. 2020. № 2–3.

References

1. Andreev L. G. Kuda zhe idet frantsuzskaia literatura? // *Voprosy literatury*. 1964. № 2.
2. Balashova T. V. Spory o «novom romane» // *Voprosy literatury*. 1963. № 12.
3. Breitburd G. S. Ital'ianskii «novyi avangard» // *Novyi mir*. 1967. № 3.
4. Buinova K. R. Inostrannaia komissiiia Soiuzu pisatelei SSSR v 1950-e gg. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3.
5. Golovin E. Lirika «modern» // Inostrannaia literatura. 1964. № 7.
6. Golubtsova A. V. Georgii Breitburd i sovetskaia retseptsiiia ital'ianskogo neoavangarda // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9. № 1.
7. Kin Ts. Literaturnaia alkhimiia // Inostrannaia literatura. 1966. № 1.
8. Kin Ts. Voprosy ankety i voprosy zhizni // *Novyi mir*. 1964. № 10.
9. Kuznetsov M. O putiakh razvitiia sovremennogo romana // *Novyi mir*. 1960. № 2.
10. La polemica di Novi Mir contro la neo-avanguardia // *Quindici*. Giugno 1967. Anno 1. № 1.
11. Neoavangardistskie techeniia v zarubezhnoi literature 1950–60 gg. M., 1972.
12. Sabbatini M., Litvin E. La Comunità europea degli scrittori e l'Urss dal disgelo agli anni Settanta // *Mondo contemporaneo*. 2020. № 2–3.
13. Shkunaeva I. Noveishaia «aliteratura» // *Novyi mir*. 1959. № 3.
14. Terterian I. Chto takoe «konkretnaia poeziia»? // *Voprosy literatury*. 1965. № 5.
15. Trushchenko E. Rob-Griie ishchet točki opory // *Novyi mir*. 1962. № 7.
16. Velikovskii S. I. Razrushenie romana (o «novoi shkole» frantsuzskoi prozy) // Inostrannaia literatura. 1959. № 1.
17. Velikovskii S. Na kholostom khodu // Inostrannaia literatura. 1963. № 1.

Юлия Мелисовна Валиева

доцент Санкт-Петербургского государственного университета;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

Yulia Melisovna Valieva

Associate Professor, Saint Petersburg State University;
Fyodor Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities

ORCID: 0000-0002-3828-1464

jouliali@gmail.com

А. М. КОНДРАТОВ. ОБЭРИУ (КОРНИ)

A. M. KONDRATOV. OBERIU (ROOTS)

Статья посвящена специфике восприятия и творческого осмысления поэтики обэриутов представителями литературного неоавангарда 1950–1960-х годов; феномену культа поэзии Н. Заболоцкого в кругу ленинградской «Филологической школы». Впервые публикуется цикл стихов Александра Кондратова «ОБЭРИУ (корни)». Анализ этого произведения производится в контексте научных работ Кондратова по стиховедению и теории информации, с привлечением материала его переписки с Р. Якобсоном, а также истории возвращения обэриутского наследия Д. Хармса, А. Введенского. Исследование выполнено на основе архивных источников.

Ключевые слова: ОБЭРИУ, «Филологическая школа», публикация, поэтика, неоавангард, 1950–1960-е годы, реценция.

The article focuses on the specifics of perception and creative understanding of the OBERIU poetics by the members of the literary Neo-Avant-Garde of the 1950s and 1960s and on the phenomenon of the cult of N. Zabolotsky's poetry in the circle of the Philological School in Leningrad. Alexander Kondratov's poetry cycle *OBERIU (Roots)* is published for the first time. The cycle is analyzed in the context of Kondratov's scholarly writings on information theory and literary studies, with references to his correspondence with R. Jacobson and the publishing history of the heritage of D. Kharmas, A. Vvedensky. The study is based on archival sources.

Key words: OBERIU, Philological School, publication, poetics, Neo-Avant-Garde, 1950s — 1960s, reception.

Список литературы

1. Антология русской советской поэзии. 1917–1957: В 2 т. / Сост. Л. О. Белов, Е. М. Винокуров, Н. А. Замотин, А. А. Коваленко. М., 1957.
2. Балашова А. Об «Укоре сроку» и «Уколе Блоку» // Революция на языке палиндрома: Блок и Маяковский в поэтических трансформациях / Авторы-сост. А. А. Балашова и И. В. Чудасов. СПб., 2020.
3. Валиева Ю. М. Игра в бессмыслицу: Поэтический мир Александра Введенского. СПб., 2007.
4. Введенский А. Кругом возможно бог // Эхо. 1978. № 2.
5. Введенский А. Куприянов и Наташа // Аполлон-77. Париж, 1977.
6. Введенский А. Полн. собр. произведений: В 2 т. / Сост. и подг. текста М. Мейлаха, В. Эрля; вступ. статьи и прим. М. Мейлаха. М., 1993.
7. Гаспаров М. Л. А. Н. Колмогоров в русском стиховедении // Колмогоров А. Н. Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. М., 2015.
8. Герасимов В. Из беседы с Ю. Валиевой // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015.
9. Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы / Отв. ред. К. Шуман. М., 2002.
10. День поэзии 1965: Сб. М.; Л., 1965.
11. День поэзии. М., 1957.
12. Заболоцкий Н. А. Избр. произведения: В 2 т. М., 1972. Т. 2.
13. Заболоцкий Н. А. Столбцы / Изд. подг. Н. Н. Заболоцкий, И. Е. Ложилов. М., 2020 (сер. «Литературные памятники»).
14. Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая сер.).
15. Заболоцкий Н. Стихотворения. М., 1957.
16. Из беседы М. Ф. Ерёмкина с Ю. Валиевой // Лица петербургской поэзии: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2011.
17. Исследования по теории стиха. Л., 1978.
18. Каверин В. А. Заболоцкий // «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...». М., 1965.
19. Каверин В. За рабочим столом // Новый мир. 1965. № 9.
20. Колмогоров А. Н., Кондратов А. М. Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. № 3.
21. Кондратов А. Звуки и знаки. 2-е изд., перераб. М., 1978.
22. Кондратов А. Игровые стихи // Аврора. 1990. № 2.
23. Кондратов А. М. Избр. произведения / Подг. текста и комм. М. Павловца и Ю. Орлицкого // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. Iss. 1/II.
24. Кондратов А. Математика и поэзия. М., 1962.

25. Кондратов А. М. Математические методы в науке об искусстве («искусствометрия») // Тезисы докладов на межвузовской студенческой научной конференции «Проблемы кибернетики и применения средств вычислительной техники в науке и производстве». Л., 1962.
26. Кондратов А. «Мои троицы» // Антология новейшей русской поэзии. У Голубой Лагуны / The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry: В 5 т. / Сост. К. К. Кузьминский и Г. Л. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. Т. 1.
27. Кондратов А. От нуля к нулю // Художник. 1961. № 12.
28. Кондратов А. М. Плита обериутам / Вступ. заметка М. Л. Гаспарова // Звезда. 1991. № 5.
29. Кондратов А. Рождение одной идеи // Наука и техника. 1961. № 10–12; 1962. № 1–5.
30. Кондратов А. Семиотика и теория искусства // Искусство. 1963. № 11.
31. Кондратов А. М. Создание словарей поэтического языка и рифм посредством ЭВМ // Симпозиум по комплексному изучению художественного творчества. Тезисы и аннотации (18–22 февраля 1963 г.). Л., 1963.
32. Кондратов А. М. Статистика типов русской рифмы // Вопросы языкознания. 1963. № 6.
33. Кондратов А. М. Теория информации и поэтика // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962.
34. Кондратов А. Теория информации и поэтика (Энтропия ритма русской речи) // Проблемы кибернетики. 1963. Вып. 9.
35. Кондратов А. Урок сроку (пятьсот — пятидесяти): Октябрьская поэма-перевертень // Звезда. 1993. № 8.
36. Кондратов А. М. Эволюция ритмики В. В. Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. № 5.
37. Кондратов А. М., Шорохов В. А. «Глюкая куздра» (о методах лингвистического моделирования) // Школа-семинар по прикладной и инженерной лингвистике 3–14 июля 1978 г. (тезисы докладов и сообщений). Махачкала, 1978.
38. Кондратов Э. Университетская набережная. Нечто мемуарное. СПб.; М.; Самара, 2008.
39. Красильникова Е. В. Строки без рифм в рифмованных стихах (Н. Заболоцкий, Столбцы, 1929) // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: Сб. статей. М., 2003.
40. Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. Сб. второй / Под ред. М. И. Алигер, А. А. Бека, В. А. Каверина и др. М., 1956.
41. Лифшиц Л. Тулупы мы // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М., 2006.
42. Материалы XXII научной студенческой конференции: Поэтика. История литературы. Лингвистика. Тарту, 1967.
43. Мейлах М. О поэме Александра Введенского «Кругом возможно Бог» // Эхо. 1978. № 2.
44. Орлицкий Ю., Павловец М. Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. Iss. I/II.
45. Прохоров А. В. О работах А. Н. Колмогорова по стиховедению // Колмогоров А. Н. Труды по стиховедению / Ред.-сост. А. В. Прохоров. М., 2015.
46. Тынников Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1993.
47. Успенский Л. Слово о словах (Очерки о языке). [М.], 1957.
48. Флакер А. О рассказах Даниила Хармса // Československa rusistika. 1969. Roč. XIV. № 1.
49. Холшевников В. Стиховедение и математика // Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б. С. Мейлаха. М., 1968.
50. Цимбал И. С. «Замечали — по городу ходит прохожий?» (О мифопоэтическом мышлении поколения 1950-х) // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015.
51. Яглом И. М., Добришин Р. Л., Яглом А. М. Теория информации и лингвистика // Вопросы языкознания. 1960. № 1.
52. Dada Spectrum: The Dialectics of Revolt / Ed. by S. C. Foster, R. E. Kuenzli. Coda press, Inc.; The University of Iowa, 1979.
53. Kondratow A. Czerostopowy jamb N. Zabołockiego i niektóre zagadnienia statystyki wiersza // Poetyka i matematyka. Warszawa, 1965 (Historia i teoria literatury. Studia. Teoria literatury / Instytut badań literackich Polskiej Akad. nauk).
54. Pszczołowska L. Trzy popularne książki o wierszu // Pamiętnik Literacki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. R. 57. Z. 1.

References

1. Antologija russkoj sovetskoi poezii. 1917–1957: V 2 t. / Sost. L. O. Belov, E. M. Vinokurov, N. A. Zamotin, A. A. Kovalenko. M., 1957.

2. *Balashova A.* Ob «Ukore sroku» i «Ukole Bloku» // *Revoliutsiia na iazyke palindroma: Blok i Maiakovskii v poeticheskikh transformatsiiakh* / Avtory-sost. A. A. Balashova i I. V. Chudasov. SPb., 2020.
3. *Dada Spectrum: The Dialectics of Revolt* / Ed. by S. C. Foster, R. E. Kuenzli. Coda press, Inc.; The University of Iowa, 1979.
4. *Dadaizm v Tsiurikhe, Berline, Gannovere i Kël'ne: Teksty, illiustratsii, dokumenty* / Otv. red. K. Shuman. M., 2002.
5. *Den' poezii 1965: Sb. M.; L., 1965.*
6. *Den' poezii. M., 1957.*
7. *Flaker A.* O rasskazakh Daniila Kharmsa // *Československa rusistika. 1969. Roč. XIV. № 1.*
8. *Gasparov M. L. A. N. Kolmogorov v russkom stikhovedenii* // *Kolmogorov A. N. Trudy po stikhovedeniiu* / Red.-sost. A. V. Prokhorov. M., 2015.
9. *Gerasimov V.* Iz besedy s Iu. Valievoy // *K istorii neofitsial'noi kul'tury i sovremennogo russkogo zarubezh'ia: 1950–1990-e. Avtobiografii. Avtorskoe chtenie. SPb., 2015.*
10. *Iaglom I. M., Dobrushin R. L., Iaglom A. M.* Teoriia informatsii i lingvistika // *Voprosy iazykoznaniia. 1960. № 1.*
11. *Issledovaniia po teorii stikha. L., 1978.*
12. *Iz besedy M. F. Eremina s Iu. Valievoy* // *Litsa peterburgskoi poezii: 1950–1990-e. Avtobiografii. Avtorskoe chtenie. SPb., 2011.*
13. *Kaverin V. A. Zabolotskii* // «*Zdravstvui, brat. Pisat' ochen' trudno...*». M., 1965.
14. *Kaverin V.* Za rabochim stolom // *Novyi mir. 1965. № 9.*
15. *Kholshevnikov V.* Stikhovedenie i matematika // *Sodruzhestvo nauk i tainy tvorchestva* / Pod red. B. S. Meilakha. M., 1968.
16. *Kolmogorov A. N., Kondratov A. M.* Ritmika poem Maiakovskogo // *Voprosy iazykoznaniia. 1962. № 3.*
17. *Kondratov A.* Czterostopowy jamb N. Zabołockiego i niektóre zagadnienia statystyki wiersza // *Poetyka i matematyka. Warszawa, 1965 (Historia i teoria literatury. Studia. Teoria literatury / Instytut badań literackich Polskiej Akad. nauk).*
18. *Kondratov A.* Igrovye stikhi // *Avrora. 1990. № 2.*
19. *Kondratov A. M.* Evoliutsiia ritmiki V. V. Maiakovskogo // *Voprosy iazykoznaniia. 1962. № 5.*
20. *Kondratov A. M.* Izbr. proizvedeniia / Podg. teksta i komm. M. Pavlovtsa i Iu. Orlitskogo // *Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. Iss. I/II.*
21. *Kondratov A. M.* Matematicheskie metody v nauke ob iskusstve («iskusstvometriia») // *Tezisy dokladov na mezhvuzovskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii «Problemy kibernetiki i primeneniia sredstv vychislitel'noi tekhniki v nauke i proizvodstve».* L., 1962.
22. *Kondratov A.* Matematika i poeziia. M., 1962.
23. *Kondratov A.* «Moi troitsy» // *Antologiiia noveishei russkoi poezii. U Goluboi Laguny / The Blue Lagoon Anthology of Modern Russian Poetry: V 5 t. / Sost. K. K. Kuz'minskii i G. L. Kovalev. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. T. 1.*
24. *Kondratov A.* Ot nulia k nuliu // *Khudozhnik. 1961. № 12.*
25. *Kondratov A. M.* Plita oberiutam / *Vstup. zametka M. L. Gasparova* // *Zvezda. 1991. № 5.*
26. *Kondratov A.* Rozhdenie odnoi idei // *Nauka i tekhnika. 1961. № 10–12; 1962. № 1–5.*
27. *Kondratov A.* Semiotika i teoriia iskusstva // *Iskusstvo. 1963. № 11.*
28. *Kondratov A. M.* Sozdanie slovarei poeticheskogo iazyka i rym posredstvom EVM // *Simpozium po kompleksnomu izucheniiu khudozhestvennogo tvorchestva. Tezisy i annotatsii (18–22 fevralia 1963 g.). L., 1963.*
29. *Kondratov A. M.* Statistika tipov russkoi rifmy // *Voprosy iazykoznaniia. 1963. № 6.*
30. *Kondratov A. M.* Teoriia informatsii i poetika // *Simpozium po strukturnomu izucheniiu znakovykh sistem. Tezisy dokladov. M., 1962.*
31. *Kondratov A.* Teoriia informatsii i poetika (Entropiia ritma russkoi rechi) // *Problemy kibernetiki. 1963. Vyp. 9.*
32. *Kondratov A.* Urok sroku (piat'sot — piatidesiati): Oktiabr'skaia poema-pereverten' // *Zvezda. 1993. № 8.*
33. *Kondratov A.* Zvuki i znaki. 2-e izd., pererab. M., 1978.
34. *Kondratov A. M., Shorokhov V. A.* «Glokaia kuzdra» (o metodakh lingvisticheskogo modelirovaniia) // *Shkola-seminar po prikladnoi i inzhenernoi lingvistike 3–14 iulia 1978 g. (tezisy dokladov i soobshchenii).* Makhachkala, 1978.
35. *Kondratov E.* Universitetskaia naberezhnaia. Nehto memuarное. SPb.; M.; Samara, 2008.
36. *Krasil'nikova E. V.* Stroki bez rym v rymovannykh stikhakh (N. Zabolotskii, Stoltbtsy, 1929) // *Poetika. Stikhoslozhenie. Lingvistika. K 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti I. I. Kovtunovoi: Sb. statei. M., 2003.*

37. *Lifshits L.* Tulupy my // «Filologicheskaya shkola». Teksty. Vospominaniya. Bibliografiya. M., 2006.
38. Literaturnaya Moskva. Literaturno-khudozhestvennyi sbornik moskovskikh pisatelei. Sb. vtoroi / Pod red. M. I. Aliger, A. A. Beka, V. A. Kaverina i dr. M., 1956.
39. Materialy XXII nauchnoi studencheskoi konferentsii: Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika. Tartu, 1967.
40. *Meilakh M.* O poeme Aleksandra Vvedenskogo «Krugom vozmozhno Bog» // Ekho. 1978. № 2.
41. *Orlitskii Iu., Pavlovets M.* Tri tvorcheskikh lika Aleksandra Kondratova // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. Iss. I/II.
42. *Prokhorov A. V.* O rabotakh A. N. Kolmogorova po stikhovedeniiu // Kolmogorov A. N. Trudy po stikhovedeniiu / Red.-sost. A. V. Prokhorov. M., 2015.
43. *Pszczółowska L.* Trzy popularne książki o wierszu // Pamiętnik Literacki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. R. 57. Z. 1.
44. *Tsimbal I. S.* «Zamechali — po gorodu khodit prokhozhi?» (O mifopoeticheskom myshlenii pokoleniya 1950-kh) // K istorii neofitsial'noi kul'tury i sovremennogo russkogo zarubezh'ia: 1950–1990-e. Avtobiografii. Avtorskoe chtenie. SPb., 2015.
45. *Tynianov Iu. N.* Problema stikhotvornogo iazyka. M., 1993.
46. *Uspenskii L.* Slovo o slovakh (Ocherki o iazyke). [M.], 1957.
47. *Valieva Iu. M.* Igra v bessmyslitsu: Poeticheskii mir Aleksandra Vvedenskogo. SPb., 2007.
48. *Vvedenskii A.* Krugom vozmozhno bog // Ekho. 1978. № 2.
49. *Vvedenskii A.* Kupriianov i Natasha // Apollon-77. Parizh, 1977.
50. *Vvedenskii A.* Poln. sobr. proizvedenii: V 2 t. / Sost. i podg. teksta M. Meilakha, V. Erlia; vstup. stat'i i prim. M. Meilakha. M., 1993.
51. *Zabolotskii N. A.* Izbr. proizvedeniya: V 2 t. M., 1972. T. 2.
52. *Zabolotskii N. A.* Stolbtsy / Izd. podg. N. N. Zabolotskii, I. E. Loshchilov. M., 2020 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
53. *Zabolotskii N.* Stikhotvoreniya i poemy. L., 1965 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
54. *Zabolotskii N.* Stikhotvoreniya. M., 1957.

Светлана Анатольевна Дубровская

профессор кафедры русского языка как иностранного
Национального исследовательского Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева

Svetlana Anatol'evna Dubrovskaya

Professor, Department of Russian as Foreign Language,
National Research Mordovia State University

ORCID: 0000-0002-5660-8977

s.dubrovskaya@bk.ru

«ОСОБЕННО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО ЕГО БЛАГОРОДСТВО...»: П. П. ПЕРЦОВ НА СТРАНИЦАХ «ВОЛЖСКОГО ВЕСТНИКА»

HIS DIGNITY IS ESPECIALLY ATTRACTIVE...: P. P. PERTSOV IN THE PAGES OF THE VOLZHSKY VESTNIK

[Рец. на:] Ранний П. П. Перцов: литературно-критические публикации в «Волжском вестнике» / Вступ. статья В. Н. Крылова; сост., подг. текстов и прим. В. Н. Крылова, С. А. Подряднова. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2024. 324 с.

[Review:] Rannii P. P. Pertsov: literaturno-kriticheskie publikatsii v *Volzhskom vestnike* / Vstup. stat'ia V. N. Krylova; sost., podg. tekstov i prim. V. N. Krylova, S. A. Podriadnova. Kazan: Redaktsionno-izdatelskii tsentr *Shkola*, 2024. 324 s.